

Ярослав Манторов

Аче

Роман о пустоте

Ярослав Манторов

Аче. Роман о пустоте

«Издательские решения»

Манторов Я.

Аче. Роман о пустоте / Я. Манторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831439-1

Я видел её. Видел не только во снах. Она приходила ко мне. В эти моменты я видел. Видел то, что недоступно глазу. То, что невозможно понять. Я видел её. Но объяснить это... Можно лишь по порядку.

ISBN 978-5-44-831439-1

© Манторов Я.
© Издательские решения

Содержание

Гл. 1	6
Гл. 2	8
Гл. 3	14
Гл. 4	19
Гл. 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Аче

Роман о пустоте

Ярослав Манторов

*Погруженная в думу глубокую,
В небе светит звезда одинокая.
На земле же довольно огней.
Им друг с другом вдвойне веселей.
Но не видят они ничего.
Кроме света, увы, своего.
А звезда в небесах одинокая
Видит горы и реки далекие,
Знает тайны вселенной жестокие
И все думает думу глубокую.*
(А. П. Чудов)

© Ярослав Манторов, 2017

ISBN 978-5-4483-1439-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гл. 1

Давайте начнём с того, что ничего нет. Эти записки из пустоты родились, собственно, из пустоты. То есть из ниоткуда. На самом деле они и не рождались, но это сложно объяснить. Я хочу, чтоб вы ни в коем случае не подумали, что я пытаюсь умничать, потому что умничать я совершенно не люблю. Любая умная мысль уж слишком напоминает мне о ней. Моей совести. Она многое знает, поэтому, разговаривать при ней я вообще боюсь.

Ни приложу ума, как выходит, что мы болтаем на протяжении всей темноты. Потом она откровенно врёт мне, что, возможно, сегодня, нечаянно уснёт на моём плече. Я знаю, что она опять уйдёт. Она не может не уйти. И снова, с первыми лучами солнца я совершенно пуст. То есть, полон. Простите, совсем запутался. Именно на рассвете я становлюсь совершенно полным. Меня полностью заполняет свет. Заполняют краски этого мира. Заполняют полностью. Я полностью светел. И меня как бы нет. Хотя именно в этот момент и существует то, что вообще можно назвать мной.

Звучит бредово, да? Я вообще, если честно, не мастер объяснять. Да и не любитель этого дела. Не понимаете и не надо. Я вот о чём сказать хотел. Если бы эти записки существовали, надо было бы их откуда-то достать. Черпаем мы подобную хрень обычно из бесконечности. А её нет. Уж слишком много места бы занимала. Вернее, умные люди, конечно, знают, что она есть, и даже догадываются, что она и есть колба для всего остального. Только длинная очень штука. Но внезапно упирается так резко в пустоту. Я вам с полной уверенностью это могу сказать. А, если вы мне скажете, что бесконечность никуда не упирается, то я скажу вам, что, во первых, не стоит меня перебивать, а во вторых, повторять то, что я говорю, другими словами. Плагиат вам чести не делает.

Так вот, упирается эта бесконечность в пустоту, и пустота пожирает её. Ну, потому что в ней ничего нет. И упираться туда, конечно, очевидное самоубийство. То есть, бесконечность как бы есть, но её как бы нет. И я устал спорить об этом с Лизой.

Она всё же верит в то, что где-то там, в небытии или даже в невестьгде эта бесконечность всё же бьётся, пульсирует, и непременно существует. Всевеликая субстанция. Как фанатично.

Тут логика проста. Если бесконечность вообще есть, то пустота никогда её не догонит. То есть, не поглотит. А по мне, штука, которая имеет своей опорой пустоту, весьма сомнительна. Но вера- это её выбор. Всё тогда находится в этой самой невестьгде.

Невестьгда- это термин, неудобный как материалистам, так и агностикам. Он ничем не обоснован кроме своей жалкой вероятности, и в невестьгду человек, обычно, складывает все свои надежды, когда не может признать, что ничего нет. Он может очень хорошо видеть, что вокруг пусто, но свою полную несостоятельность ему мешает признать эгоизм. Или субъективность, как вам больше нравится.

Итак, если я не хочу брать эти записки из сомнительной бесконечности, мне придётся делать их самому. А делать их не из чего.

Не считите меня непоследовательным. Я, напротив, стремлюсь не упустить ни одной мысли. Я тут подумал, что вы могли посчитать, что я нигилист. Если так, то как можно скорее забудьте эту глупость. Пустота-то есть. А если вы невнимательно меня слушаете- это уже ваши проблемы. Я вам сразу сказал, что ничего нет.

Ну да. Русский язык не удобен для объяснения банальных вещей. На нём «ничего нет», звучит так, будто как раз пустоты нет. Но когда мы говорим «ничего нет», мы имеем в виду, что нет чего-то. И чего-то конкретного. Именно того, что могло бы быть. Так что пустота- это то, чего нет только с обывательской точки зрения. А по сути она и есть перспектива. Так что, по моему, всё логично. Не знаю, что вам не нравится.

Но не буду больше отвлекаться. Если я не хочу брать записки из бесконечности, как уже было сказано, я должен сделать их сам. Но начнём с того, что ничего нет. И сделать я их могу только из пустоты. Правда, тогда получится, что этих записок не существует. Зато полная свобода. Могу сделать, что захочу. У нас это называется- творческий подход. Или чёрная магия. Аморально это всё-таки. Творить, и тем самым нарушать все законы существования. Но я никогда не любил моралистов. Они так уверены в своем существовании, что никогда не признают, что ничего нет.

Лиза тоже подозрительно напоминает моралиста, но она понимает. Вообще, для мага она странная натура...

Гл. 2

Почему я ничего не делаю? Без неё мне трудно сосредоточить свои мысли. Зачем их вообще сосредотачивать, если никто потом не скажет, что я напридумывал всякий бред. Но она умеет и не мешать. Может сидеть часами и не мешать, пока я строю мост, например. Сначала я и засматриваюсь на маленький чёрный силуэт с задумчивым взглядом. Милую фигурку, склонившуюся надо мной на расстоянии всего одной бесконечности. Но потом мне просто хорошо становится, что она есть. И я дальше творю, уже не отвлекаясь. Потом она уходит.

– Ты куда?

– Картошку делать.

– Ты же хотела мне не мешать.

– Я вернусь и не буду тебе мешать. Просто есть-то я тоже хочу- говорит она и исчезает.

Неизвестно, когда она снова появится. Но мне спокойно, что она есть. Я осторожно провожу мост между иллюзией и мыслью. Потом строю мост между мыслью и видимостью. Сейчас самое интересное. Я продемонстрирую вам иллюзорность света. Потому что свет- это то, что мы видим. Сейчас важно совершить довольно дерзкий переход. Мосты на равном расстоянии. Нужен один аккуратный домик. По восходящей. Дама червей к крестовому королю. Должно сработать. Великий момент. Тадам! Дверь резко открылась. Мосты разлетаются.

– Ой- виновато улыбается Лиза.

– Ничего. Иллюзия со светом всё равно не контактирует. Всё тлен.

– Да брось ты.

– Я уже строил такие мосты. Свет и видимость вообще спокойно совмещаются. Иллюзия- это тоже видимость. А от иллюзии до света никак.

– Потому что ты сидишь в темноте.

– Понятное дело, ночь же.

Она смотрит на меня как на дебила. Как будто сказанное мною было шуткой, причём дурацкой. Возможно, так оно и есть.

Она всегда на меня так смотрит. Особенно, когда я говорю ей что-то важное. Этот взгляд и переменчивое настроение- естественная плата. Как будто она знает, какое одолжение мне делает. Как будто знает, как это важно, что она у меня есть. Настолько важно, что насколько у меня и есть ли вообще- не имеет значения. И всё-таки она есть у меня. И из-за этого я нелепо и бесконечно счастлив. И за эту наглость меня пронизывает этот ироничный упрекающий взгляд.

Каким бы он ни был серьёзным. Как бы она не вредничала, я-то знаю, что там, в темноте, она улыбается. И ей не так уж противно слушать меня. Магию, которую она называет моим мироощущением, сама Лиза использует лучше меня. Она может перемещаться между мирами. Заходить ко мне и к Чорту.

Сам Чорт был у меня дважды. Он так почему-то представился. Как выглядит этот человек, я не видел из-за капюшона. Но почему-то он очень хорошо запомнился. В руке его всегда была бутылка вина. А из под капюшона несло безумием. Он говорил всегда уверенно и о всякой чепухе. Слушать его всегда было приятно. Главное было не начинать играть с ним в карты. Говорят, это всегда заканчивается плохо. А в целом забавный такой тип.

– О чём ты задумался?

– Ни о чём.

– Загипнотизировать меня хочешь?

– Почему?

– Ты этот маятник всё время раскачиваешь. Чем он тебе покоя не даёт.

– Да так. Привычка покрутить что-нибудь.

- Будь твоя воля, ты бы всё крутил.
- А классно было бы.
- Что?
- Ну представь, всё не ваялось бы где-нибудь по углам, а крутилось вокруг всего.
- Зачем-ем?
- Не знаю. Так прикольное.
- Зашибись аргумент.
- Но так реально круче.
- Знаешь, я об одном эксперименте читала. Тоже про любителей маятников. Если человек подвешивает что-нибудь на верёвочке, закрывает глаза и представляет, что маятник качается, то его рука почти всегда его качает.
- А суть?
- В смысле?
- В чём глубокая мысль эксперимента?
- Ни в чём. Ну-у. В смысле, мы все спим. И не в хорошем смысле.
- То есть все наши действия- часть иллюзии?
- Не-ет. Ты опять ничего не понял. Просто наше подсознание влияет на нас. А мы на него не влияем. Большинство просто несёт.
- Всех несёт.
- Ниправда!
- Правда.
- Это для тебя эти вещи неразделимы. Поэтому ты и не понимаешь смысл эксперимента.
- Пф-ф. Я тоже читал. Британские учёные сказали человеку, что приложат к его спине раскалённую ложку и приложили обычную. У парня ожёг. Открытие века, блин!
- Она цокает и смеряет меня зловредным взглядом.
- Один вопрос, – продолжаю я- зачем было осуществлять закрытие века... Своим научным мироощущением.
- Чем больше её взгляд притворно надменен, тем больше в нём удовольствия. В конце она улыбается, качает головой и отводит взгляд.
- Что?
- Ничего..., -говорит она- Ты хоть знаешь, кто такие британские учёные?
- Ну... Это такие люди, которые считают, что они умнее всех.
- Скажи ещё: «как ты».
- Нет, ты может и учёная. Но точно не британская.
- А что по-твоему британское?
- Ну, это не мода, не кич, не надменность, а именно бр-р-ританскость. Такое скромное серьёзное осознание своего величия. Точнее, это так выглядит. Даже если человек просто притворяется британским учёным.
- А-ха-ха. Почти угадал.
- А кто это?
- Да так, никто...
- Говори уже.
- О чём? – с улыбкой смотрит Лиза.
- О британских учёных. Не придуривайся!
- О каких конкретно?
- О любых!
- Не хочу ничего говорить.
- Чё это?
- Начнём с того, что ничего нет.

– И тебе меня не жалко, когда ты так делаешь?

Она вдруг смотрит на дырку в стене и поправляет чёлку:

– Жалость унижает человека.

– Ты это в умных книжках вычитала?

– Нет. Просто... – сказала она и задумчиво уставилась в окно. В такие моменты лучше не шутить. Это заденет что-то внутри неё. И она попытается сбежать. Сбежать в себя. И хватай её потом как можешь.

Я сжимаю зубы, чтобы не брякнуть что-нибудь. Чтобы она никуда не делась. И она сидит здесь. Не мешает.

Но всё это было той темнотой. Или ночью. Сейчас её почему-то нет. Давно не было. Я иногда слышу её смех. Иногда очень хорошо его слышу. Навязчиво тонкий и отрывистый. А иногда он слышен издали. Смутно. А, порой, слышу его из каждой трещины. Я бы уже, наверное, решил, что схожу с ума, если бы твёрдо не знал, что она на самом деле где-то есть. И существует спокойно в своей пустоте. Куда я не могу зайти.

Так. Почему я ничего не делаю? Карты в руках слиплись от пота. Их нужно закрепить прямо посередине, чтобы получился большой красивый мостик. Руки слегка дрожат. Почему-то сомнения в успехе уже закрались. Я привожу руки в спокойствие. Вдыхаю. Со снайперской точностью закрепляю долбаный домик посередине. Мост с грохотом рассыпается. Мне лень снова собирать. Я засыпаю.

Она почти бежит от меня. Вокруг стекло. Сплошное стекло. И всё светится. Я спрашиваю её:

– Не хочешь уйти отсюда?

– Нет- говорит она и дальше идёт.

– Лиз...

Я просыпаюсь и уже темно. Я не могу вспомнить, когда она в последний раз тут была. Я начинаю читать то, что она мне принесла. Буквы складываются в образы. В голове образуется цепь картинок. Я улетаю из комнаты куда-то. Это интересно, но странно. Извлекать образы из знаков на бумаге. Их много и у меня в голове. Самых ярких и безумных. Они выходят оттуда сами. Как будто были там всегда. Я не слежу за ними. Они приходят внезапно, как и уходят. Принося мне что-то. А тут получается, что я не сам взял образ. И он совсем не мой. Я специально сижу и наполняю себя. Настоящий ли я после этого?

Ей бы явно показалась эта мысль глупой. Она говорит, что так все делают. А, впрочем, это затягивает.

Дверь тихо открывается. На пороге задумчиво стоит силуэт. Несколько секунд она как будто колеблется. Потом медленно входит.

– Ты чего?

– Да думаю, вдруг опять что-нибудь разрушу.

Она садится на подоконник и смотрит в окно- Фу, ничего у тебя тут нового.

– А что ты там хочешь разглядеть?

– Не знаю. Что-нибудь.

– Бесконечность?

– Ну хотя бы.

– Что на неё смотреть, если она повсюду?

– А у меня из окна её видно.

– Ну и радуйся.

– Ну и радуюсь.

– Как британец.

Она шипит:

– Между прочим, британское могущество во многом произошло от испанского. Только мало кто об этом знает.

– Я не знаю...

Она смотрит на меня в упор как на идиота. Значит, шутка не такая уж плохая.

– Чего ещё скажешь испанского?

– Аче.

– Что?

– Ничего.

– В смысле?

– В прямом.– говорит она и улыбается, как будто я не понимаю чего-то очевидного.

– Что ты сказала?

– Ничего. Я же говорю.

– Чего ничего!?

– Да не злился ты. Как я тебе объясню, если правда ничего.

– Ну а чё?

– А-ха-ха-ха. Хороший ответ.

– Ты достала...

Из карт сыпятся искры.

– Ну не обижайся!

Я просто молчу.

– Это буква в испанском.

– И?

– Просто буква в испанском.

– Как она читается?

– Никак.

– Понятно.

– Ну правда!

– А что она значит?

– Ничего.

– А нафиг она нужна, раз её нет?

– Ничего нет. Забыл?

– Ну да.

– В своих же выдумках запутался.

– Чё?

– Ничё. А чё?

– Чего?

Тут и я уже заражён этим сумасшедшим смехом. Мы ещё долго ухахатываемся. Боюсь спросить её, что это может значить.

– А изобразить это ничего реально?

– Да легко, – она прыгает с подоконника ко мне на кровать. И выводит на моей руке три чёрточки.

– Н? Просто Н?

– Ну да.

– Н- значит ничего?

– Ну да.

– Почему?

– Это сложно объяснить.

– Круто.

Я пытаюсь нарисовать Н на ней, но она уже улетела на подоконник. Успеваю только слегка пощекотать. Её силуэт выражает готовность дальше прыгать и убегать. А глаза сверкают. Как будто у меня есть желание с ней играть. Она надувает щёки, потом снова садится в привычную позу.

– Мне кажется, что там медведь сидит. А потом я присматриваюсь, и понимаю, что его нет. И так жутко, что нет медведя.

– Зачем тебе медведь?

– Плюшевый. Третий раз просто уже так.

– Может, он там всё-таки есть.

– Не издевайся. Это медведь, которого тут быть не может.

– Ладно. Нет тут медведя. Тогда не смотри на него.

– Ну тебя.

– Я-то чё?

– Ничего!

– Вот и нечего...

Мы молчим.

– А ты часто на эту дырку смотришь?

– В смысле?

– Ну, если б я тут жила. И всё время напротив этой чёрной дырки... Мне было бы жутко.

– Чем тебе дырка не нравится?

– Не знаю. Мне кажется, лучше туда не смотреть.

– Уж мне-то бояться пустоты?

– Причём тут бояться? Это во всех есть. Но в тебе это... Эта мысль, что любое высказывание можно опровергнуть. Это тебя разрушает.

– Всякая мысль разрушает.

– Ты понимаешь, о чём я.

Она теперь смотрит прямо, а не прячет взгляд, спрашивая такие вещи. Не уж-то всё серьёзно?

– Лиз, это основа. На теории парадокса стоит половина всего, что мы осознали. Я не могу игнорировать эту энергию. Она пронизывает всё.

– Я знаю, что сама теория нужна. Но ты делаешь из неё главную идею. Эта идея всё поглощает. Я ничего тебе не говорю. Но тут что-то страшное. Как будто ты в последнее время стал больше туда смотреть.

– Лиз, я знаю. Я понимаю, что гармония в разрушении на самая надёжная. Но это не делает её менее естественной. Жизнь как саморазрушение вечного, нас породила. И дело даже не в тленности всего поголовно, а в частности того, что конкретно мы разлагаемся с момента рождения. И неизбежно придём к финальному разложению до пустоты. И тут я никогда не пойму, почему я не могу чувствовать только из-за того, что мои чувства разрушают меня. Наверное, чуть больше, чем других. Но по мне они вообще не чувствуют. А если тебе кажется, что я всё смешал, то для меня честность и честность перед пустотой неделимы.

На самом деле я боялся проговориться. Но если б я мог выразить хоть половину того, что иногда ощущаю, то она бы в ужасе убежала от меня уже давно. Если бы я мог хоть на миг прикоснуться к сути вопроса. Но я и сам иногда боюсь. Чего-то. Правда, не больше чем смерти. А её, как всякой данности бояться по определению глупо. Она ведь дала нам жизнь и возможность думать об этом.

– Я не знаю, наверное, ты прав... Только я надеюсь, что ты не врешь мне. Потому что, по-моему, это всё не то. Я верю, что ты веришь в это, но, мне кажется, это не движет тобой. Это немного не ты. Потому что ты не так уж пуст... А значит, ты что-то скрываешь от меня.

- Ну допустим, я в душе и не агностик. И что дальше?
- Ничего, – улыбается она.
- И во что тогда верить по-твоему?
- Да ничего, забей.
- Бесит, когда ты так делаешь.
- Я придумала какую-то фигню, а ты смотришь на меня как будто я не выдаю ключ к спасению мира. Бред это всё.

Гл. 3

Просыпаюсь в темноте. В углу слышен шорох. Если таракану оторвать голову, он через три дня умрёт от голода. Я проверял.

В глубине еле слышен залиvistый визгливый смех. Слишком я привык его слышать. Мне снился запах краски. Вокруг. Цветение. Жизнь. Свет. И жарко. И всё пахнет краской. Отсвечивает. Ярко. Резко.

Дальше не помню. Сон привычно рассеивается во мраке. Я наливаю чай в прозрачную кружку. Наполовину. А то долго остывать будет. Сажусь работать. Но лень. Долго и монотонно его строю. Мост от тени до покоя. Тишина. Жара и прохлады пристроены с разных сторон. Крестик такой получился. И стоит идеально. Ни одна карта не упала. Меня это бесит. Я пинаю сию гениальную конструкцию. Нет в тени покоя. А на кровати есть. Я опять закрываю глаза. Но не сплю.

– Хм, я даже не знаю, как это назвать.

– Лиз, это мост от искусства к хаосу. Моё последнее достижение.

– Весело.

– Не издевайся, я работаю в поте лица. А нулевой результат пустым не является. Хотя...

Ну ты поняла. Не молчи только...

Но я открываю глаза. Её нет в комнате. Её нет.

Слишком уж много она во мне задевает. Я начинаю много думать ни о чём. Я снова открываю книгу. И снова не могу преодолеть порог в сто страниц. Мы говорили с ней об этом. О ста страницах. Она говорила, что это забавно... Что я ни одну книгу не дочитываю до ста страниц. Я тогда не смотрел на номера. Теперь смотрю. И в самом деле, никогда в книге я не мог прочесть больше ста страниц. Как будто это предел. Да вроде и не предел... Просто мысли по бумаге рассеиваются. Сначала вроде и собирается картинка, и оживает герой, и складывается сюжет. А потом всё пролетает перед глазами и смешивается... И вокруг только буквы... Буквы... Буквы...

Как будто у автора кончилась фантазия, и он кроме букв написать ничего не может. Любая книга в конце концов срывается к универсуму. К буквам. И я не успеваю её прочитать. А сто страниц- это настолько дофига, что я даже не могу себе представить. Я могу себе представить каждую страницу в отдельности, пусть их будет даже тысяча, но сто- это ж нереально много. Если думать о них в целом, то мысль растечётся по бесконечности уже на пятнадцатой. Если запомнишь книгу полностью, то обязательно ускользнёт куча деталей. И уверенно зная абсолютно всё, ты обязательно упустишь одну вещь. Одну составляющую. Самую важную. И снова весь прочнейший, идеально сложенный карточный домик с грохотом распадётся на символы. Так происходит каждый раз. Я знаю, о чём говорю. И в этот момент от бесконечного многообразия значений и символик остаётся только одна буква.

А, может, мне просто лень читать. Уж сильно много этой трухи уже ходит в моём сознании.

Я открываю глаза. Комната залита мраком. На подоконнике сидит тёмный силуэт. Нос слегка опущен. Волосы, стянутые резинкой, спускаются по плечу. Бывают ли волосы чернее мрака? Может ли взгляд так внимательно исследовать пустоту? Можно ли так молча просить нежности и не пускать к себе? Может, её и нет тут...

Но она, резко обернувшись, вдруг ловит мой взгляд:

– Ты решил подглядывать?

– Ну как я смею...

Кидаю в неё медведя.

– Ой.

Высшей благодарности от неё ожидать сложно. Значит, я и вправду смог её поразить.

– Где ты его достал?

– Нигде...

– А как его из пустоты можно сделать?

– Ну, его же тут быть не может.

– То есть он не настоящий?

– А ты живого хотела?

– Было бы классно.

– Ну прости...

– Не-ет. Он милый. Только можно, я его у тебя оставлю? У меня он скорее всего исчезнет.

Из-за сложностей перевода.

– Перевода?

– Ну, некоторые слова в других мирах звучат по-другому. Там как будто понятия чуть-чуть меняются, понимаешь? И некоторые вещи там тоже выглядят по-другому. Потому что слова другие.

– Прикольно.

– Почти всё можно так или иначе преобразить туда... Но там всегда всё получается немного по-другому.

– Почему?

– Ну это другой мир.

– Другой мир у неё.

– А что тебя не устраивает?

– Ты почему заходить перестала, странное создание?

– Неправда! Я к тебе всегда захожу. Я к тебе как ни зайду, ты спишь всё время.

– Я днём не высыпаюсь. Светло слишком... Но это не оправдание. Ты не заходишь.

– Ты сам себе это придумал.

– Да конечно...

– Я всё время к тебе захожу. А если и не захожу...

– Что?

– Ничего.

– Что ничего?

– Неважно. Это были мысли вслух.

– Какие ещё мысли?

– Это не важно. Я сказала тебе, что могла.

– Я не могу быть один с тобой честен.

– Я тоже честна с тобой. Я не могу тебе выдавать тайны, которые принадлежат не только мне. Ты не можешь требовать, чтобы я предала кого-то.

– Я ничего от тебя не требую...

– Я тебе рассказала больше, чем кому-либо. Но больше я не могу рассказать.

– Понятно...

– Прости.

Молчание.

– Ой, у тебя всё ещё тут тараканы бегают?

– Тебе кажется.

– Не смешно. Мог бы их и потравить.

– Ну... Я пробовал.

– Пробовал он...

- Их не вытравить они снаружи. Они везде.
- Ты всё это выдумал.
- Нет. Они реально снаружи ползают. Они вокруг. По стенам. По пустоте. По бесконечности.
- Слушай, это просто тараканы. Их можно просто потравить.
- Я пытался.
- Значит, ты не хочешь, чтобы они уходили. Значит, они нужны тебе для чего-то. Только я не понимаю, для чего.
- Ты не приходишь, они приходят.
- Неправда! Если бы дело было только во мне, их бы не было так много. И ты бы их сюда не пускал.
- У тебя их нет?
- Я их уже вымела давно. Иногда мне кажется, что они до сих пор по мне ползают, но их тут нет давно. То есть у меня.
- Ты мысленно до сих пор там?
- Я всегда немного там. Не знаю, как тебе это объяснить.
- Интересно, а как у тебя там звучит фраза «Ничего нет»?
- Я боюсь думать, какую ты хрень под этим подразумеваешь.
- Да ничего необычного. Обычную данность. Точнее, её отсутствие.
- Всё это глупости...
- Что я опять глупого сказал?
- Не знаю... Зачем вообще об этом думать?
- Опять глубокие мысли от Лизы?
- Просто ты знаешь, что познание бездонно и спекулируешь на этом. В знании всегда есть дырки, и это образует его бесконечность. Это даёт свободу...
- Ага... Паразитирую на смысловых парадоксах. Вывожу сектантские ловушки для ума. А-ха-ха-ха. Если вы не теряли рогов, то они обязательно у вас есть. Не... Я даже польщён называться софистом, но пустота- это гораздо более простое понятие. Не надо этих наездов. Пустоту нужно чувствовать сердцем. Она- основа нашего существования. Основной наполнитель шарика.
- Если бы ты немного занимался познанием, ты бы знал, что в шарике куча всего.
- Да вообще дофига. Свет, надежда, любовь и чистые помыслы. В одной надувной резинке. Ладно. С метафорой ты меня подколола. По сравнению с нами шарик просто образец реальности и материи. Прямо нерушимая догма.
- Фанфаронствуешь.
- Понтуюсь.
- Зачем?
- Перед девушкой.
- Ах, ну да, – смеётся она, – Дело даже не в этом. Познание не сводимо к догмам. Оно гибко. Изучение- это вечный поиск. Тут в итоге любое утверждение можно оспорить. А ты уничтожаешь догматизм и говоришь о том, что ничего нет.
- Я говорю не про данность даже, а про общие свойства. Я не пытаюсь разубедить кого-то в его догматическом ощущении. Это его картина мира. Я смотрю прямо в пустоту. Условность и относительность познания не дают ощущения общей картины. Я рассматриваю пустоту лишь как материал. Для всего. Для меня это самый быстрый путь найти исток. Всего. Общую концепцию. Только пустоту можно без поправок рассматривать как инвариант. Только она логически совместима с бесконечностью. Пустота- это условный термин. Он не обозначает ровно ничего. Только так я могу говорить о вселенной. Об универсуме и бесконечности. Этих основных понятий нет. Они нелогичны. А по сути мне просто нужно смириться с пустотой.

– Вот это тирада! Я только теперь понимаю, что ты всё это серьёзно.

– В смысле? Ты мне не верила?

– Ну... Все немного думают о пустоте. О тленности и бессмысленности бытия. Эта идея живёт. И иногда помогает лучше разобраться... Но воспринимать вселенную как сплошную пустошь... Немного дико.

– А что существует?

– Ничего конкретного. В том-то и дело- смеётся она.

Молчание.

– Может, ты и прав... Наверное, больше, чем я. Но можно, я не буду в это верить?

– Ты-то есть, – улыбаюсь я.

– Я-то почему?

– Ну сидишь тут, улыбаешься, не веришь.

Ей опять смешно.

Немного погодя, она складывает голову на меня, как будто её голова на моём плече- это изначально логично просто потому что она может так лечь. Я тоже делаю вид, что всё в порядке. Да и как я откажусь от этой мелочи, если он может исчезнуть в любой момент.

Лиза закрывает глаза. Мне спокойно. Хорошо, когда она просто есть. Я просто чувствую, что она есть тут.

И тут она спрашивает:

– А что тебя бесит? – и смотрит внимательно.

– О чём ты?

– Ну, что тебя в этом мире так не устраивает, что ты свёл его к нулю.

– Да всё меня на самом деле устраивает. Просто мне так спокойней.

– То есть, ты признаёшь, что это лишь теория?

– Я вообще агностик...

– Ах, ну да.

– Что смешного?

– Ничего. Совсем.

– Ну вот и всё.

– Так что тебя бесит?

– Навязчивые вопросы.

– А ещё?

– Гиперреализм.

– Почему?

– Потому что.

– Ну почему?

– Потому что ересь!

– Ересь от чего?

– От всего!

– Ну ладно...

– Лиз, нельзя просто так смотреть на всё через лупу, запечатлять каждую деталь, воспроизводить, а потом выдавать это за реальность! Это ересь! Это попытка разобраться... В ереси. Во всём. А потом писать, как оно есть с таким видом, как будто ты на жизнь смотрел, а не в лупу.

– Понятно.

– Что понятно?

– Понятно, что тебя бесит.

– А ещё?

- Ничего...
- Говори.
- Не буду.
- Давай уже!
- Что тебе сказать?
- Всё!
- Не знаю... Нет, это бред всё...
- Знала я одного гиперреалиста...

Гл. 4

Он изучал реальность не только посредством анализа. Ни одна деталь не ускользала от его взгляда. В его глазах читалось страстное желание изучать. Вся информация была важна не только как опыт и багаж, но и сама по себе. Поэтому следовало коснуться каждой детали по отдельности. Страх буквальности был лишним. Материя была жива. Абсолютна. Из кучи абстракций выделялась неизбежность, логика. А логика была буквальной. И до дури простой. Лишь то, что ты познал, могло быть реальным.

Скептическая картина мира, если и не была честной до конца, то не допускала в себе грубых погрешностей. Остальные теории висели на гвозде надежды или её отсутствия. А тут ни чему не противоречащий наглядно-опытный путь. В рамках познанного всё было логично. А за их пределы гордость реалиста просто не лезла. Ему точно не нужно было лезть в глубинные смыслы вещей и безграничные пространства неопределённого, чтобы изображать реальность, как она есть.

Остальное в жизни, как и в искусстве, было огромным лицедейством. Русалка, как образ, уродовала природу девушки. Надуманные крылья не давали коню взлететь. Образность всего явно тормозила развитие культуры. Мифология мешала видеть то, что перед тобой, во все времена. Маска уродовала человека, а образ заслонял личность.

Кругом происходило масштабное лицедейство с прописанным сценарием. Огромная постановка. И любая идея, любой скомканный образ, нераскрытый надуманный персонаж на заднем фоне мог стать твоей личностью, раздробить тебя на куски и собрать в иной пазл. Любая часть твоей одежды и мимики отдавала не тобой, а образом.

Образу всегда отводилась типовая роль, потому что любой образ во мгновение становился типом. Ролей могло и не хватать, и вот тут человек уже полностью терял своё лицо.

Он не ненавидел театр только из-за того, что ему не досталось роли. Его приводило в шок, как быстро менялись люди, получившие роль. Роль же в любой момент можно было сменить. Его ехидство питала только мысль о том, насколько быстро шла сменяемость людей, пожелавших остаться в роли.

Тут была проблема не в массовом тщеславии, а в абсолютной абстрактности происходящего. Образ убивал разум и затуманивал рамки познаваемого. Безумство красок давило на мозг. Любая идея и даже искра мысли в итоге пыталась его запутать. Свести с ума. Лишь усилием воли он отрезал идею. Лишил картинку образа.

И тогда он открыл глаза. И увидел, наконец, искомое. Реальность. Неприкрытую ничем. Перед ним лежала сама явь. Живая. Осязаемая. Его сердце бешено забилося. Ему больше ничего не нужно было делать. Просто увидеть. Познать и отрефлексировать саму быть.

Гл. 5

– И где ты видела этого человека?

– Во сне, конечно.

– Да конечно...

– Не надо так на меня смотреть! В темноте людей нет. Они приходят к нам в наших снах.

Как наши фантазии.

– Ну ничего себе, у тебя люди.

– Люди разные бывают. И я не берусь их осуждать. Ты, конечно, можешь это делать. Но я не понимаю, зачем тебе это. Это просто картина мира.

– И тебя не пугают такие люди?

– Дело не в людях!

– А в чём?

– Ни в чём! Бред это всё... Вообще, зачем ты об этом думаешь?

– По-твоему, вообще ни о чём нет смысла думать?

– Ты думаешь не о том.

– Не о чём?

– Вообще не о том...

Она резко встаёт. Я хватаю её за руку. Её маленькой руке, наверное, при этом больно. Вырывается сильно.

– Не надо... – говорит она печально, и я постепенно отпускаю руку, так, чтоб она не отлетела головой в стенку.

– Ты куда?

Она молча захлопывает дверь.

Она является ко мне как мысль- вспышкой, на миг всё освещая. Потом снова скрывается во мраке. Она всплывает в сознании на миг и не может в этот миг фарсить и ёрничать. Она говорит: «Привет» или просто смотрит... И не может не проронить нежность в этом взгляде... И скрывается тут же как всякий огонёк.

Мне обидно, что она ушла во мрак без явной причины. Я лишь жду... Когда она придёт. Потому что только я знаю, как она хочет прийти. Я верю. Она появится случайной внезапной вспышкой, даря улыбку, которой во мраке никто не видел.

Я почти сомкнул глаза и превратился в сон, когда шорох снова отвлёк меня. За стенкой ползёт таракан. Их слишком много. Я раньше водил их по мостам. Они бегали у меня от ощущения до полёта. И добежали же. У маленьких тараканов отрастали крылья, и они гордо взлетали над мраком. Я с ужасом смотрел, как каждый из них воспламеняется. Каждый таракан сгорает как щепка. А я ведь просто дал им ощущения. Если бы Лиза узнала, что я так делаю, она бы сказала, что я жесток.

Но лучше спать. Тараканы бегают под кроватью.

– А что ты хотел? – спокойно спросил он. – Ведь если ты сам не расставляешь приоритеты, то всё лишнее отсекается само собой.

Твоя память сама устанавливает иерархию важного и неважного. И большинство того, что ты ясно видишь сейчас, скорее всего вскоре забудется совсем. Мало из того, на что ты смотришь, действительно видимо тобой. Впрочем... в принципе, как и у неё. Вопрос лишь в том, что ты действительно считаешь важным.

Я не помню, как долго я находился во сне. Там было очень жарко и скучно. Как будто я зажат в каком-то горячем кубе. А из-под низа было слышно равномерное завывание голубей. Звук был настолько сильный, что я не мог проснуться, сколько бы ни укутывался, не забираясь внутрь.

Перед кроватью стоял зеркальный шкаф, хотя зеркало на нём было завешано простынёй. С балкона ясно виделась бесконечная даль под палящим солнцем. И звук. Равномерно воющего голубя. Бесил. Не прекращался. И только цветочный узор на обоях и вода, кипящая в чайнике, делали картину целой.

Я резко встаю. Зажигаю спичку. Комната пуста. Падаю обратно и засыпаю.

Там тихо, хоть и солнечно. Происходящее кажется до ужаса обыденным и знакомым. Даже несколько наивным. Как будто я медленно схожу с ума. Картинки выстраиваются в лабиринт и повторяются одна за другой. Раз за разом я прохожу одну и ту же реальность мимо удивлённо смотрящих на меня людей. И только заподозри что-то неладное, я возвращаюсь обратно во мрак.

Я просыпаюсь. Может, и правда вокруг всё слишком мрачно? А мне нравится. Довольно гармонично. И ничего лишнего. Спокойствие абсолютно. Только капли сверху могут ненадолго прервать тишину...

Они падают непонятно куда и неизвестно откуда. Зеркальных реальностей может быть сколько угодно. Иногда эти капли проходят через мой мир. Они приносят сладкий влажный воздух и немного тоски. И нечто. Боюсь трогать это. Оно шевелится. Оно жужжит. Оно неритмично дёргается. Я тяну к нему руку медленно и тут же одёргиваю обратно. Оно взлетает и, бешено жужжа, стремительно исчезает.

Жужжание утихло. Стрекоза. Почему-то это слово возникает у меня в голове. А капли тем временем капают всё чаще и чаще. И вскоре их шуршание напоминает уже звук этого нечто. Как будто оно стало жужжать в обоих моих ушах и повсюду. Звук расплёскивается по моей скромной бесконечности, заполняя всё вокруг и тут же уходя в никуда.

– Но как бесконечность уместается в твоей маленькой комнате? – спрашивает она.

– Ну как... По своему. Я же могу в ней общаться с тобой, хотя тебя тут нет. Углы и стены есть, а концов нету... И ты есть, хотя нет тут тебя. Хотя, может это ты... Постой!

Хотя, кого я об этом прошу? Впрочем, её нет. Её закрывает звук капель. Я сижу и не двигаюсь. Капли медленно, не спеша, стекают. Постепенно заполняя комнату. Потом исчезают. Кончатся полностью. И остаётся только запах сырости.

Немного промокли книжки. И эти записки. Как ни наивно было оставлять их на пустоте. Но теперь многое не восстановить, а что-то пришлось переписывать немного по-другому. Поэтому, наверное, тому, кто бы вероятно мог это прочитать, повествование показалось бы скомканным, неполным, наивным, и весьма непонятным. Но я на писательские лавры никогда не претендовал. Потому что никогда не рассматривал жизнь как цепь многоуровневых задач, в которой выполнение заданий и выработка навыков продвигает тебя на уровень выше, нежели тот, на котором ты раньше находился.

То есть определённые достижения как будто дают тебе выигрыш в какой-то общей игре и ощущение удовлетворения своим уровнем. Ведь шкалы способностей просятся сами по себе, отчего превращают само существование не в бытие, а сборник задач. И если ты не достиг нового уровня, то ты уже проиграл. Если не кому-то, то самой игре. Игра затягивается как цикл поражений. Ты тлеешь не просто так, а с борьбой за некий смысл.

И когда я надену лавровый венок великого писателя, раскрутится цикл, в котором я вечно буду доказывать свой титул. А цикл этот пойдёт далеко за пределы моей жизни. Я просто боюсь

снобизма. Хуже всего, если эти записки смогут кого-то унижить и подчеркнуть его неспособность написать хороший роман. А это непременно произойдёт, даже если записки станут популярными только в моём выдуманном мире, которого в принципе быть не может.

Впрочем, о чём это я... Да смешно. Ведь, если я пишу или говорю о нём, если я даже просто о нём задумываюсь, то я уже предполагаю и подразумеваю его существование. Я допускаю, что он не только существует, но и абсолютно реален, и уже только потом заключаю, что быть этого не может. Этот мир, которого нет. В каком ещё этот маразм читать будут?

Стук в дверь и сладкий голос.

– Можно?

– А когда я запрещал?

– Не знаю, ты любишь обижаться.

– Заметь, не я взывал к твоей совести. Она в тебе говорит сама.

Она бросает передразнивающий вредный взгляд и садится на пол в позу лотоса посреди комнаты. Я даже не спрашиваю, почему она так делает.

– Хочу найти что-то новое, – говорит она.

– Так иди и ищи.

– Не хочу.

– Ты специально меня используешь для разговора с собой?

– В смысле?

– Ну, чтобы я задавал вопрос, а ты отвечала. Чтобы визуализировать мысленного собеседника.

– Неправда. Я не так сделала... Я вообще не думаю.

– Ну и не думай.

– И не думаю.

– И не думай.

Она смотрит на меня из под чёлки, потом снова отводит взгляд в пол.

– О чём?

– Чего?

– О чём мне не думать?

– Попробуй не думать в принципе.

– У меня так не получается...

– Ладно, о чём ты думаешь, когда врёшь мне, что не думаешь?

– Я не вру тебе... Ну. В этот момент обо всём. И, когда я говорю, что не думаю... Я думаю больше всего. Не знаю, как это объяснить. Я как будто теряюсь в какой-то момент. Как будто совсем пропадаю. И в тот же момент...

– Заполняешься светом?

– Ну да, типо того! И вообще я тебе не вру! Я просто говорю, как думаю.

Мы молчим.

– Тебя не задолбало тут сидеть? – вдруг говорит она.

– Что?

– Ничего.

– Что!?

– Нет. Ничего.

– Что ты сейчас сказала?

– Я же говорю, ничего.

– А всё-таки?

– Не понимаю, о чём ты.

– Ты издеваешься?

– Нет.

– Ты же говорила, что не врёшь?

– Когда я тебе врал?

– Сейчас!

Она отвернулась. Я успеваю подбежать к ней и слегка тыкнуть под рёбра. Она отпрыгивает. Пятится в угол.

– Прекрати!

– Почему?

– Просто перестань!

– Аргументируй своё решение.

– Ты не отпустишь?

– Ты не просишь отпустить. Ты просишь перестать.

– Отпусти.

– Так иди.

Я отхожу.

– Перестань.

– Я перестал.

– Ты обижаешься на всякий бред. Знаешь, как будто я над тобой постоянно издеваюсь.

– У тебя своеобразный характер.

– Вот и не говори со мной.

– Почему?

– Вот и говори.

– Лиз.

– Чего!

– Ничего...

– Вот и хорошо.

– Чего хорошего?

– Ты меня сегодня доконать решил!?

– Нет, это я тебя так веселю.

– А-а-а, значит, ты так меня веселишь? – в пустоту спросила она и задумчиво села рядом.

– Дурак, – через какое-то время говорит Лиза.

Я внимательно смотрю на неё. Она никогда от этого взгляда не прячется. Не спрашивает: «Что?» Не отказывает мне в этом скромном наблюдении за каждым её движением. Конечно, вряд ли бы он тут сидел, если бы её это не развлекало. Но в чём тогда причина её неуловимости? Почему она может иногда, не предупредив, исчезнуть с концами, как будто её и не было? И когда она исчезает, возникает ощущение недосказанности. Как будто её мало всегда. Как будто что-то важное не сказано. Как будто что-то теряется. Как будто она может и не вернуться. Но всё это проходит по мозгу спутанным маразмом и я не знаю, что ей сказать, чтоб она... Не уходила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.